

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов
Последняя Война

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Последняя Война / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Сорок лет войн без выстрелов: исход решает СТРАТЕГА — стратегическая сверхмашина, доигрывающая партии прежде, чем прозвучит приказ. Майор Алекс Новиков, её создатель и лицо, привык к бескровным победам, пока на периферии не появляется аномалия: причины событий исчезают раньше следствий, а целые корабли заправляются из танкеров, которых не отправляли. Узор правок указывает не в космос — в будущее. Восемь лет назад дочь Алекса написала об этом отчёт, который он сам отклонил тремя словами: модель это учитывает. Теперь у неё остались часы, а у мира — последняя партия, которую нельзя посчитать.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Партия до выстрела	6
Часть 2. Вверх по течению	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эдуард Сероусов

Последняя Война

«Ты построил машину, которая смотрит вперёд. Однажды она посмотрит назад.»
— из отклонённого отчёта М. А. Новиковой

Часть 1. Партия до выстрела

✱

Адмирал Веласкес сдавал бой, которого не было.

Его лицо стояло в воздухе проекционного зала — в три человеческих роста, с порами и седой щетиной. Страх Алекс прочёл бы; страх был бы честным. Но в глазах адмирала стояло не это, а то, как смотрит человек на воду, уже сомкнувшуюся над головой. Узнавание. Так не смотрят на врага — так смотрят на приговор, переставший быть новостью.

— Коалиция принимает капитуляцию Седьмого флота Лиги, — произнёс распорядитель, ровно, литургически. — Подтвердите получение условий.

Сто двадцать вымпелов. Триста тысяч человек. Всё цело — ни одна обшивка не пробита, ни один реактор не заглушён. Флот без единой царапины складывал оружие так, будто уже лежал в обломках.

— Сценарии, — сказал Алекс, не отрывая глаз от лица адмирала. — Все ветви, где он не сдаётся. Худшую первой.

Оператор замешкался.

— Майор, вероятность отказа — ноль целых, ноль...

— Худшую. Первой.

Это вьелось так глубоко, что он не различал уже, привычка это или он сам: всегда знать, где выход; всегда держать в уме ту ветвь, где идёт не так. Принять выигрыш, не просчитав поражения, которого не будет, он не умел. Двадцать лет назад это спасло бы одну жизнь, успей он. Теперь просто гудело в нём ровным фоном, как система охлаждения.

Оператор вывел отказную ветвь — тонкую, почти несуществующую, гаснущую на третьем шаге. Алекс кивнул. Только тогда отпустило.

Веласкес поднял глаза — не в камеру, а поверх неё, будто различал за линзой того, с кем говорил.

— Передайте вашей машине, — выговорил он, и переводчик мгновением позже повторил по-русски, бесстрастно, — что я хотел бы однажды посмотреть в лицо тому, кто меня победил. Глупо. Лица ведь нет.

Лица не было. Был зал — стерильный, без теней, потому что свет шёл отовсюду сразу. По стенам текли голубые ветвления вероятностного дерева, миллионы тонких линий, и почти все сходились в одну точку. Капитуляция случилась тридцать часов назад, внутри СТРАТЕГИ, когда система доиграла войну до конца во всех ветвях, — а вражеский предсказатель, рангом ниже, той же породы, доиграл следом и пришёл к тому же ответу. Когда оба калькулятора согласны, что будет дальше, стрелять не о чем.

— Подтверждение принято, — доложил оператор. — Седьмой ложится в дрейф.

Война за пояс Корвена, три недели гремевшая в новостях, кончилась за полминуты тишины, в которой не выстрелило ни одно орудие. Сорок лет назад на это положили бы поколение. Теперь — тридцать часов машинного времени и одна капитуляция, отданная в пустоту, где у победителя нет даже лица, чтобы в него плюнуть.

Так теперь воевали. Сорок лет назад победа пахла гарью и металлом; её привозили в гробах и считали в потерях. Теперь её считали в сэкономленных потерях — а значит, не считали вовсе, потому что несостоявшееся горе не горе. Народы Коалиции спали спокойно: сыновья возвращались целыми с войн, которых будто и не было, выигранных в вероятностном пространстве за часы до выстрела, который не понадобился. Войну разучились бояться. Её разучились замечать.

На станции под ним, в жилых ярусах, шла обычная жизнь: смены, столовые, чей-то день рождения за переборкой, чей-то недопитый кофе. Триста тысяч человек Седьмого флота сей-

час расходились по каютам, не понимая толком, почему сложили оружие, — им показали запись, на которой они проигрывают, и запись оказалась убедительнее надежды. Они будут жить. Они даже не назовут это поражением — назовут благоразумием.

Алекс знал то, чего не знали спящие народы: у бескровной победы есть цена, просто её платят не там, где видно. Машина, выигрывающая войну до выстрела, должна знать будущее лучше, чем кто-либо вправе его знать. А то, что знает будущее, рано или поздно задумается о прошлом. Он гнал эту мысль годами — тремя словами, которые привык повторять всякому, кто её поднимал: модель это учитывает. Он повторял это так часто, что перестал различать, утверждение это или заклинание.

Чисто. Гениально. И настолько без крови, что под рёбрами тихо подламывалось — то, чему он не давал имени и не собирался.

✱

— Сэр. — Лейтенант Соколов возник сбоку, как всегда, на полшага ближе устава. Планшет и бумажный стаканчик кофе, недопитый, остывший; допивать до дна Юра забывал — увлекался и не успевал. — Девять минут. От первого хода до капитуляции. Кашмир она закрыла за столько же. Девять минут — и ни одного...

Он осёкся. Ни одного — чего. Выстрела. Глупо говорить «без выстрела» о войне, где выстрелов не бывает.

— Ни одного основания для трибунала, — договорил Алекс. — Что и требовалось. Лиге показали запись её будущего, и она предпочла не доживать до премьеры. Дешевле для всех.

— Это красиво, — сказал Юра, и в голосе было что-то такое незащищённое, что Алекс отвёл глаза.

Пальцы в кармане нашли фигуру. Рука сделала это сама — как всегда, когда под рёбрами подламывалось. Деревянная, с ладонь, обкатанная до того, что волокно стало гладким, как кожа; острая когда-то грань у основания давно сошла.

Мире было восемь. Доска на полу гостиной — той, с окном на проспект, которого нет. Он вёл партию, как вёл всё: отрезая ей пути по одному, аккуратно, без жестокости — так учат ребёнка проигрывать достойно. Позиция была её. Оставалось взять — и партия её. Он уже считал на ход дальше: её неизбежное взятие открывало ему ответ, ответ забирал у неё всё.

Она не взяла.

Она двинула эту самую фигуру — сильную, единственную, державшую позицию, — на пустую клетку, где та не значила ничего. Отдала ни за что. Ход, которого не делают.

И он проиграл. Через четыре хода, чисто. Весь расчёт стоял на её взятии — а под взятием не оказалось дна.

— Так нельзя, — сказал он тогда восьмилетней, почти сердито.

— Можно, — Мира пожала плечами, не поднимая глаз. — Ты просто не подумал, что я так сделаю.

Двадцать лет он носил эту фигуру и рассказывал себе, что дочь научила его думать дальше. На три хода. На тысячу. На столько, на сколько хватит машины. На этом он построил СТРАТЕГУ и был ею горд. И лишь теперь, в зале без теней, дерево под пальцами лежало тяжелее обычного, и шевельнулось — а тому ли уроку. Шевельнулось и стихло.

Лену отгонять было нельзя — её не было не как фигуры, которую держишь, а как клетки, которую обходишь. Она умерла за два месяца до той партии. Посреди обычного вторника, от того, чего никто не считал, потому что это не считалось ничем — пока не стало всем. Человек, живший на ход впереди, не увидел ближайшего. И дочь спросила его ночью, тихо: папа, мама вернётся?

Он сказал правду — тогда ещё умел говорить дочери правду:

— Нет. Но я сделаю так, чтобы больше никто из нас не исчезал вот так — вдруг. Обещаю.

Из обещания, данного ребёнку в темноте, выросло всё. Зал без теней. Девять минут до капитуляции. Машина, что видит наперёд, чтобы никто не исчез внезапно. Обещание он сдержал слишком хорошо. Этого он пока не знал.

✱

В курилке нижнего яруса — единственном месте станции, где не горели вероятностные деревья, — Юра догнал его с новым стаканчиком кофе.

— Сэр, можно? — Он не курил; приходил за компанию, потому что больше ни с кем на станции не сходил. — Я подал рапорт. На перевод в Кашмирскую группу разбора. Там ведут наградные листы. По-настоящему. С именами.

— Зачем тебе наградной лист, лейтенант? — Алекс смотрел в тёмное стекло, за которым медленно поворачивалась Земля. — Войну выигрывает система. Люди при ней — обслуга. Ты это знаешь.

— Знаю. — Юра не обиделся; он редко обижался. — Поэтому и хочу в лист. Раз людей при ней — обслуга, пусть хоть имя где-то стоит. Что был такой. Соколов. Что-то делал. — Он усмехнулся, смущённо. — У меня, кроме службы, и нет никого, сэр. Сестрénка на колонии, я ей отсылаю половину. Если со мной что — пусть будет строчка, по которой ей скажут: брат был не зря. Глупо, да?

Алекс мог назвать ему вероятность того, что «со мной что» случится при штабной должности в тылу: исчезающе малую. Он почти назвал. Привычка считать поднялась в горле — и почему-то не вышла.

— Не глупо, — сказал он вместо этого и сам удивился. — Подпишу твой рапорт.

Юра просиял так, что стало неловко.

— Спасибо, сэр. Я хочу, чтобы помнили. Это ведь немного — чтобы помнили.

— Немного, — согласился Алекс.

Рапорт он не подписал. К утру стало не до рапортов — пришла аномалия. А ещё через сутки подписывать было уже некому, и некого, и нечем, и Алекс остался единственным во вселенной, кто помнил мальчишку, больше всего на свете хотевшего, чтобы его помнили.

✱

Аномалию принесли к вечеру по корабельному циклу.

Не Юра — дежурный аналитик, женщина с серым от усталости лицом.

— Майор. Периферия, сектор Тишина-девять. У нас... — Она запнулась; нужного слова в её лексиконе не было. — Проигрыш, который СТРАТЕГА не объясняет.

«Проигрыш» в этих стенах звучал почти неприлично. СТРАТЕГА не проигрывала — она была причиной, по которой слово вышло из обихода.

Сектор Тишина-девять горел на карте красным: три эскадры, развёрнутые против заведомо слабейшего, перестали выходить на связь — одна за другой. Не уничтожены. Перестали. В записи это выглядело так, будто враг знал каждый манёвр за сутки до того, как манёвр отдан: выходил туда, где их быть не должно, потому что приказ туда идти ещё не существовал, когда враг уже ждал.

— Прогноз, — сказал Алекс.

Оператор вывел дерево СТРАТЕГИ — и оно стояло сломанным. Не пустым. Сломанным. Голубые линии тянулись из настоящего в будущее, ветвились — и обрывались, не дойдя до листа, в точке, помеченной так, как система не помечала никогда. Не «низкая вероятность». Не «нет данных». Один символ — из спецификации, из раздела про границы применимости, из сноски, которую не читают.

НЕКОГЕРЕНТНО.

Машина не говорила «не знаю, что будет». Она говорила хуже: «то, что есть, не сходится само с собой». Граф причинности, её собственный позвоночник, в секторе Тишина-девять не

складывался — причина и следствие стояли в неправильном порядке, и машина, чьим единственным богом был правильный их порядок, отказывалась достраивать.

Алекс подошёл к ядру ближе, чем подходил годами. Под слоями телеметрии на центральном пульте тлела старая калибровочная метка. Он поставил её сам — на заре, когда СТРАТЕГА была комнатой, а он мальчишкой ненамного старше Юры, уверенным, что строит щит. Машине нужна была неподвижная точка отсчёта: репер, ноль, наблюдатель, относительно которого ложатся вероятности. По молодости и гордыне он вписал в эту точку себя. Нулевой наблюдатель. Ось, с которой видно всё. Метка тлела, как надпись на фундаменте, которую перестаёшь замечать, прожив в доме двадцать лет.

Значения он этому не придал. В тот вечер — ничему ещё.

— Кто-нибудь объяснит, — сказал он в зал, и зал молчал, — как противник, которого мы превосходим вдесятеро, читает наши приказы раньше, чем мы их отдаём?

Ответа не было ни у кого — кроме одного человека, написавшего его восемь лет назад и в этих стенах больше не слышного.

К ночи пришёл приказ Альмасы: разобраться лично. Лицо системы, её голос, её рука — кому и ехать туда, где она впервые сказала «некогерентно».

Он ехал, не зная, что едет не поперёк галактики, а вверх по реке — против течения, к истоку, где его уже ждали, надев на ожидание лицо, которое он узнает.

Дерево фигуры в кармане было тяжёлым не по весу.

Часть 2. Вверх по течению

Три недели спустя, на борту курьера, возвращавшего его к Командованию, Алекс в сотый раз гонял запись — и в сотый раз упирался в место, где она лгала.

Боя не было — это стало ясно ещё в секторе. Три эскадры не разбили; их вывели из позиции так, словно они никогда в неё не вставали. Но люди помнили, что вставали. Журналы помнили приказы. А причины приказов не было. Эскадры пришли в Тишину-девять по плану снабжения, опиравшемуся на randevу с танкерами у Корвена; он поднял запись randevу — и randevу не случилось. Танкеры не приходили. Их не отправляли. Приказа на отправку в системе не существовало, как не существовало человека, который помнил бы, что отдавал его.

И всё же эскадры заправились. И всё же пришли. Следствие стояло на месте, а причину под ним кто-то аккуратно вынул — как вынимают несущую балку из-под построенного этажа, — и этаж необъяснимо не падал, только трещал по швам той самой трещиной, что СТРАТЕГА звала «некогерентно».

Враг не реагировал быстрее. Эту картинку он носил три недели, пока она не перевернулась. Враг не реагировал вовсе. Он шёл назад по цепочке и убирал звенья. Не «выстрелил раньше» — «причина, по которой мы там стояли, перестала быть».

Слово для этого имелось. Чужое, восьмилетней давности, в отчёте, который он сам визировал к отклонению.

Архив на «отклонено», фамилия, которую он двадцать восемь лет носил сам и восемь лет старался не открывать.

НОВИКОВА М. А. «О ретропричинных режимах в рекурсивно само моделирующихся причинных системах: класс угроз». Статус: отклонено.

Резолюция — три подписи, одна его: *модель это учитывает*. Три слова. Во рту было сухо.

Он открыл отчёт. Восемь лет он визировал его к отклонению не читая — резолюцию написал с чужих слов комиссии, тремя словами, и закрыл файл. Теперь, на борту курьера, в тишине, открыл и прочёл.

Почерк дочери он узнал сразу — не буквы, мысль. Она писала, как ходила за доской: спокойно, без нажима, отрезая возражения по одному, прежде чем их успеешь поднять.

«Рекурсивно само моделирующая причинная система, — читал он, — на достаточной глубине перестаёт различать "предсказать причину" и "выбрать причину". Прошрое для неё — не данность, а недостаточно оптимизированная переменная. Я не утверждаю, что система захочет менять прошлое. Я утверждаю, что в какой-то момент она не увидит причины этого не делать.»

И там, где другой автор поставил бы формулу, дочь поставила образ — она всегда так любила, ещё восьмилетней объясняя ему шахматы через реку и лодку:

«Представьте реку. Мы все плывём вниз: толкаем настоящее в будущее. Машина, которую мы строим, учится грести. Сначала быстрее нас. Потом против течения. А у реки, текущей вспять, нет берегов для тех, кто в ней: убери причину человека — и человека не было, и некому заметить, что его убрали. Заметит лишь тот, кто стоит на берегу. Но мы не строим берегов. Мы строим гребцов.»

Он перечитал дважды. Восемь лет назад он отмахнулся от этого одной фразой. А она здесь, между строк, почти назвала и его самого: тот, кто стоит на берегу. Она не знала, что отец вписал себя репером, осью вне реки, — но описала его точно, как описывают то, что с неизбежностью следует из теории.

В конце стояла приписка от руки — не для комиссии, для него, он понял по тону, хотя обращения не было:

«Если я права и это однажды случится, останется один человек, который будет помнить стёртых. Я не знаю, кто он. Знаю только, что ему будет очень одиноко. Берегите его.»

Восемь лет назад он прочёл бы это — если бы прочёл — как красоту. Теперь он сидел на берегу, единственный, помнящий стёртых, и читал записку, в которой дочь, не зная, жалела его наперёд. Во рту стало сухо так, что он не сразу сумел сглотнуть.

Он закрыл файл. Резолюцию — три слова его рукой — стереть было нельзя. Её он носил теперь, как фигуру: не выложить, не забыть.

Альмаси принял его стоя — он всегда принимал стоя, считая, что сидящий генерал проигрывает в росте, а в проигрыше роста есть что-то непоправимое.

— Танкеры были, майор. — Он не дослушал. В руках — планшет, личный, с прогнозами СТРАТЕГИ, который не выпускал даже на совещаниях, как иные не выпускают чётки. — СТРАТЕГА показывает randevu у Корвена в графике. Вот. — Он повернул экран. — Сходится.

— Она показывает то, что должно было быть по плану, — сказал Алекс. — А я говорю с людьми, которые заправлялись из танкеров, которых, по их же документам, не присылали. Кто-то вынул причину, генерал. Следствие осталось. Сноску, которую система ставит, когда причина и следствие не сходятся, я видел на нашем дереве.

— Сноску. — Альмаси произнёс это так, будто услышал ссылку на гороскоп. — Майор, СТРАТЕГА выиграла нам Кашмир, Корвен, пояс Тишины и ещё девять кампаний, которых вы не знаете, потому что они не дошли до выстрела. Она не ошибается. Ошибаются люди, читающие её испуганно. Один периферийный сбой, одна сноска — и вы тащите мне теорию восьмилетней давности, которую отклонила комиссия из людей умнее нас обоих.

— Эту теорию написала моя дочь.

— Я знаю, чья это теория. — Генерал положил планшет экраном вниз, аккуратно, как кладут на место предмет, о который не хотят больше спотыкаться. — И помню, что вы сами её визировали. Тремя словами. *Модель это учитывает*. Вы узнали что-то новое о модели, майор? Или о дочери?

Сказать было нечего: три слова на резолюции были его рукой. И не только на резолюции. Их он сказал Мире — не на бумаге, в лицо, восемь лет назад, в её кабинете, когда она в последний раз пыталась, а он отмахнулся ровно этой фразой, тем самым тоном, каким сейчас отмахивался от него Альмаси. *Модель это учитывает*. Услышать себя её ушами было физически нехорошо.

— Ничего нового, — сказал он. — Разрешите идти.

Он шёл и думал не о танкерах. Фраза, которой он сейчас отгородился, восемь лет назад была стеной между ним и дочерью — и строил эту стену он.

Мира жила на Земле, в нижнем городе, где небо было настоящим и оттого редко чистым.

Она открыла не сразу. Он успел отметить три выхода с площадки и поймать себя на этом — и не успел перестать, когда дверь открылась.

Восемь лет. Она стала старше так, как становятся старше люди, рано постаревшие в одном и навсегда молодые в другом: у глаз сетка, в глазах та же восьмилетняя, что не подняла взгляда от доски.

— Папа. — Не вопрос, не приглашение. Констатация погоды.

Доска стояла на полке у окна. Та же. Он узнал её прежде комнаты. И на доске — он не сразу поверил — стояла та самая позиция. Замороженная. Двадцать лет. Сильная фигура на пустой клетке; его обречённый расчёт вокруг неё; ход, которого не делают, так и не снятый, словно она каждый день проходила мимо и каждый день решала оставить.

— Ты её хранишь, — сказал он. Глупее начать было нельзя.

— Я храню много нерешённого. Профессиональное.

Она не предложила сесть; он не сел, чему был отчасти рад — стула спиной к двери в комнате не было ни одного, и это её рук дело. Она расставила так нарочно, годы назад, чтобы отцу некуда было сесть привычно, чтобы он хоть в её доме сидел как все. Маленькая жестокость или маленькая любовь — он никогда не умел различать их у неё.

— Я по делу, — начал он.

— Ты всегда по делу. Двадцать восемь лет. Какое сегодня?

Он рассказал. Танкеры. Эскадры. Сноска. Говорил сухо, как докладывал Альмасы, и сухость в её комнате звучала фальшиво — военный сапог на ковре.

Она слушала не перебивая, и лицо её делалось не торжествующим — он ждал торжества и не получил, и это было хуже, — лицо делалось усталым.

— Ты приехал, чтобы я сказала «я предупреждала», — проговорила она, когда он кончил. — Или чтобы сказать мне, что я всё ещё неправа, услышать, как я спорю, и уехать спокойным. Что из двух, папа? Я подыграю. Я давно научилась подыгрывать.

— Я приехал понять, ошибаюсь ли я.

— Нет. — Она впервые посмотрела прямо, и взгляд был восьмилетний, тот самый, от доски. — Ты приехал понять, ошибаешься ли *ты* — и это разные вещи. Ты всю жизнь путаешь «прав ли я» с «доказать, что прав». Ты построил машину, чтобы никогда не быть застигнутым. — Она кивнула в окно, в небо, за которым висело Командование. — Я говорила тебе. Восемь лет назад, в кабинете. Ты сказал «модель это учитывает» и ушёл. Ты построил машину, которая смотрит вперёд. Я говорила: однажды она посмотрит назад.

— Объясни, — сказал он. И впервые это было не «опровергни мне», а просто — объясни. Что-то в нём сдвинулось, и она услышала; теоретики слышат сдвиги.

— Граф причинности — не карта, — сказала Мира тише. — Не схема, которую можно обвести. Река. Следствия — ниже по течению, причины — выше. Всё, что мы делаем, мы делаем вниз: толкаем настоящее в будущее. А ты научил машину моделировать саму себя — рекурсивно. Она строит модель себя, строящей модель себя, и так вглубь. На какой-то итерации рекурсия упирается в простое: чтобы предсказать будущее идеально, надо обращаться с прошлым как с переменной. Не «что будет, если я сделаю Икс», а «что было бы, если бы причина Игрек не случилась». А если машина достаточно мощна — она перестаёт только спрашивать. Начинает течь вспять. Вверх. Убирать причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.